

АЛЕКСАНДРА
НИКИШАЕВА

Алая

Александра Никишаева

Алая

<https://litres.ru/74105861>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он поклялся защищать её. Она поклялась не быть спасённой.

Адриан Мортмейн — последний из проклятого рода. Десять лет он искал способ выжить. Нашёл — и потерял ту, что отдала за него жизнь.

Теперь он обязан защитить её сестру.

Эдна — последняя алая ведьма. Она ничего не знает о своей силе. Она привыкла быть тенью. Но Ковен уже идёт по её следу — и готов превратить её в послушный инструмент.

Содержание

Пролог. Клетка для ведьмы.	4
Глава 1	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александра Никишаева

Алая

Пролог. Клетка для ведьмы.

Герцогство Мортмейн. Осень.

Адриан лично затянул узел на сыромятном ремне, фиксируя запястья пленницы к спинке дубового стула. Девушка не сопротивлялась. Она сидела с опущенной головой, темно-рыжие, почти алые, волосы закрывали лицо, и только плечи мелко дрожали — то ли от холода, то ли от страха.

В комнате было сыро. Подвал замка пах землёй и железом. На столе горела одна-единственная свеча, отбрасывая пляшущие тени на каменные своды.

Адриан отошёл на шаг, вытер руки о край камзола и сел напротив неё. Его лицо было спокойным, но в глазах застыла та самая ледяная решимость, что пугала даже бывалых воинов.

— Ты знаешь, кто я, — сказал он негромко. — Так что не будем тратить время на пустые любезности.

Девушка подняла голову.

Свет упал на её лицо. Молодое, бледное, с глазами того редкого оттенка серого, который кажется почти прозрачным.

— Я знаю, кто ты, герцог, — ответила она. — Вопрос в том, знаешь ли ты сам, кого поймал.

Адриан усмехнулся одними уголками губ.

— Ты — Красная ведьма. Последняя в своём роде. И ты снимешь с меня проклятие.

— А если я откажусь? — она смотрела ему прямо в глаза.

Адриан не шелохнулся. Свеча дрогнула от сквозняка, и тень на мгновение исказила его лицо, сделав его старше, жёстче, почти безжалостным. Он смотрел на неё в ответ, не отводя взгляда, и в этом молчании было что-то древнее, словно сама земля Мортмейна давила на плечи обоих.

— Ты не откажешься, — произнёс он наконец, и его голос звучал ровно, как лезвие, только что вынутое из масла. — Потому что я не дам тебе выбора.

Он медленно поднялся, обошёл стол и остановился прямо за её спиной. Она слышала его дыхание, чувствовала запах старой кожи и металла, исходивший от его одежды. Его руки легли на спинку стула, по обе стороны от её головы, заключая её в ловушку из собственного тела.

— Ты — последняя из древнего рода. И только тебе под силу сделать то, что не смогли другие.

Он наклонился ниже, так что его губы оказались почти у самого её уха. Голос стал тише, но от этого только опаснее.

— Я не палач. Я не инквизитор. Мне плевать на твою магию и на твои ритуалы. Мне нужно одно — чтобы проклятие, убивающее меня по капле каждый день, исчезло. И ты

сделаешь это, потому что взамен я дам тебе то, чего у тебя больше нет.

Пауза. Он выпрямился, и его руки отпустили стул.

— Кров. Еду. Защиту. И слово герцога Мортмейна, что ни один солдат короны не переступит порог этого замка, пока ты здесь.

Он вернулся на своё место, сел напротив неё и сложил руки на столе. В его взгляде мелькнуло что-то, похожее на усталость.

— Я не прошу твоей любви или доверия, ведьма. Я предлагаю сделку. Ты снимаешь проклятие — я даю тебе жизнь. Решай.

Тишина повисла в комнате, тягучая, как смола. Адриан ждал. Он уже видел этот финал: она опустит голову, сдастся, начнёт торговаться.

Но вместо этого Эзра подняла лицо.

И рассмеялась.

Тихо, горько, без тени веселья. Этот смех резанул по тишине острее ножа.

— Ты лишил меня жизни в тот момент, когда твои люди связали мне руки, герцог, — сказала она, и голос её звучал ровно, почти спокойно. — Не давай обещаний, которых не можешь выполнить.

Она подалась вперёд, насколько позволяли ремни, и посмотрела ему прямо в глаза. В её взгляде больше не было страха.

— Я знаю твою легенду, Адриан Мортмейн. — Она произнесла его имя медленно, смакуя каждый слог, словно пробуя на вкус яд. — Я знаю, сколько алых ведьм погибло, чтобы твоя проклятая кровь продолжала течь по этим жилам.

Она улыбнулась — страшно, обречённо, с той горькой мудростью, что приходит только к тем, кто уже заглянул за черту.

— Ты думаешь, ты первый, кто поймал Красную ведьму? Ты думаешь, я не знаю, чем это кончится? — Она покачала головой, и в её голосе зазвенела сталь. — Я сниму твоё проклятие. Я сделаю это, потому что не могу отказать. Такова наша природа, наша Клятва. Мы отдаём себя, даже когда нас берут силой.

Она перевела дыхание и закончила тихо, почти шёпотом, но этот шёпот прозвучал громче любого крика:

— Но знай, герцог: я иду на эту смерть с открытыми глазами. И каждый раз, когда ты будешь вдыхать полной грудью, вспоминай, чьим дыханием ты платишь.

Адриан замер.

Свеча догорела ровно на половину, и свет дробился в её серых глазах, делая их похожими на две расплавленные монеты. Он смотрел на неё, и впервые за долгие годы что-то дрогнуло внутри его ледяной брони. Не стыд. Не жалость. Нечто иное — уважение, замешанное на горечи.

Она знала. Она всегда знала.

Медленно, очень медленно, он поднялся из-за стола. Его

сапоги глухо стукнули по каменному полу, когда он приблизился к ней. Она не отшатнулась, не отвела взгляда — только следила за ним, как птица следит за приближающейся змеей.

Адриан опустился перед ней на одно колено.

Это не было жестом покорности — скорее, странным, почти неуместным равенством. Он потянулся к её запястьям и коротким, точным движением перерезал ремень одним из клинков, что всегда носил у пояса.

Кожаные обрывки упали на пол.

— Ты права, — сказал он тихо, глядя ей в глаза с расстояния вытянутой руки. — Я не первый. И, вероятно, не последний. Но я — единственный, кто сейчас готов признать это вслух.

Он поднялся, отошёл к двери и толкнул её. Тяжёлая створка со скрипом отворилась, впуская в подвал затхлый воздух коридоров замка.

— Ты свободна, — произнёс он, не оборачиваясь. — Можешь уйти. Можешь проклясть меня до седьмого колена — я заслужил.

Он сделал паузу, и его голос стал тише, почти неслышным:

— Но если ты всё же решишь помочь мне — не потому, что я тебя поймал, а потому, что сама сочтёшь нужным...

Она не поднялась с места. Её руки, только что освобождённые от ремней, остались лежать на коленях — бледные, с красными следами от верёвок.

— Твоё семейство не знает, — произнесла она тихо, но

каждый звук падал в тишину подвала, как камень в стоячую воду. — Вы никогда не интересовались. Но я расскажу тебе, почему столько алых ведьм погибло, чтобы жили вы.

Адриан замер у порога. Он не обернулся, но его спина напряглась — он слушал.

— В ваших древних книгах есть легенда о наложении проклятия. И о снятии. Но нет одной маленькой детали, — она подняла на него взгляд, и в нём больше не было ни гнева, ни горечи — только усталая правда. — Алая ведьма не может отказать, если перед ней стоит проклятый. Когда ведьма пробуждает силу, Ковен принимает клятву, которую алая не может нарушить.

Она перевела дыхание.

— Ты мог не связывать меня, мог не резать ремни. Итог один. Я всё равно сделала бы это. Потому что не могу иначе.

Адриан медленно обернулся. Его лицо оставалось непроницаемой маской, но в глубине зрачков вспыхнуло нечто похожее на ярость — не на неё, а на самую несправедливость этого устройства мира.

Слова Эзры ударили сильнее, чем любое физическое оружие. Она не просто предлагала свою жизнь; она говорила о том, что её воля была стерта ещё до того, как она переступила порог этого замка. Она была не союзником и не жертвой сделки. Она была инструментом, заточённым в клетку собственной природы.

Он сделал несколько тяжёлых шагов назад, возвращаясь в

круг света единственной свечи.

— Значит, вся ваша «святость» — это просто цепь, — голос Адриана прозвучал глухо, с едва уловимой хрипотцой. — Вы не выбираете милосердие. Вы просто не способны на отказ.

Он остановился прямо перед ней, глядя на её тонкие, израненные запястья. В этот момент он почувствовал тошнотворное родство с ней. Он был рабом крови своего рода, проклятый наследием отцов, а она была рабом крови своего Ковена. Два заложника, связанные одной и той же невидимой нитью долга и смерти.

— Ты говоришь, что я мог не связывать тебя, — он прищурился, и в его взгляде мелькнула горькая ирония. — Но я привык к тому, что всё в этом мире нужно брать силой. Я не знал, что можно быть рабом, даже будучи на свободе.

Он замолчал на мгновение, а затем неожиданно протянул руку и коснулся её подбородка, заставляя смотреть на себя.

— Если ты не можешь отказать... значит, твоё «да» не имеет цены. Но я не хочу платить за исцеление твоей покорностью, Эзра.

Он отпустил её и отступил, его голос снова стал холодным и властным:

— Начинай. Снимай эту дрянь из моих жил. Но знай: если ты умрёшь, я клянусь, что сделаю всё, чтобы искупить свой долг перед тобой.

Адриан отошёл на шаг, давая ей пространство. Эзра мед-

ленно поднялась со стула — её движения были плавными, но в них чувствовалось напряжение натянутой струны. Она подошла к нему вплотную и положила ладони ему на грудь, прямо поверх рубашки. Её пальцы были холодными.

— Не дёргайся, — сказала она тихо. — И не мешай.

Она закрыла глаза.

Сначала ничего не происходило. Только тишина, нарушаемая треском свечи. А потом Адриан почувствовал это — жар, поднимающийся изнутри его собственного тела. Не боль. Скорее, странное шевеление под кожей, будто тысячи игл пытались вырваться наружу, навстречу её ладоням.

Эзра вздрогнула. Её пальцы судорожно сжались на его рубашке, и он увидел, как побелели костяшки её кулаков.

— Что... — начал он, но, не сдержавшись, глухо застонал.

— Терпи, — выдохнула она сквозь зубы. — Что ты как девчонка? Мне во сто крат больше.

Он хотел возразить, но слова застряли в горле, когда он опустил взгляд на её руки. Сквозь бледную кожу запястий проступила тонкая паутина чёрных вен — они тянулись от пальцев вверх, к локтям, пульсируя в такт её дыханию. Чернота поднималась, пожирая свет её кожи, превращая живую плоть в тёмный мрамор.

— Остановись, — его голос сел. Он попытался перехватить её запястья, разорвать контакт, но её пальцы будто приросли к его груди. — Эзра! Прекрати! Ты убьёшь себя!

Она открыла глаза. В них больше не было серого — толь-

ко чернота, затянувшая радужку, и где-то в глубине — крошечная искра её прежней насмешливости.

— Слишком поздно, герцог, — прошептала она, и из уголка её губ потекла тонкая струйка крови. — Твоя проклятая кровь уже не отпустит меня.

Адриан рванулся, пытаясь оттолкнуть её, но тело его больше не слушалось — он был словно пригвождён к месту мощным, невидимым током. Он чувствовал, как тьма, которая годами выжигала его изнутри, теперь с жадностью устремлялась в неё, перетекая через ладони Эзры, как яд из одного сосуда в другой.

Это было похоже на кражу. Он чувствовал, как к нему возвращается сила, как лёгкие вдруг раскрываются, вбирая в себя воздух без привычного привкуса пепла, а мышцы наполняются здоровьем. Но цена этого облегчения была видна прямо перед ним.

— Хватит! — закричал он, и его голос сорвался на хрип. — Слышишь?! Я не хочу этого!

Он обхватил её за плечи, пытаясь буквально оторвать от себя, но Эзра лишь сильнее прижалась к нему, её тело обмякло, становясь пугающе лёгким. Чернота на её руках уже достигла плеч, и теперь тонкие тёмные нити начали подниматься по её шее, проступая сквозь кожу, словно корни какого-то демонического растения.

Она судорожно вдохнула, и её голова бессильно откинулась назад, открывая бледное горло. Взгляд её стал пустым,

расфокусированным, но она всё ещё продолжала удерживать контакт.

— Теперь... — прошептала она, и её голос был похож на шелест сухих листьев. — Теперь ты... чист.

Вспышка алого света, настолько яркая, что Адриан на мгновение ослеп, пронзила подвал. Это был последний всплеск её магии — последний крик жизни, отдающей всё до последней капли.

Когда свет погас, Эзра рухнула в его объятия. Её тело было холодным, а кожа — мертвенно-белой, за исключением тех самых чёрных вен, что теперь застыли в её жилах неподвижным, угольным узором.

Она ещё дышала. Едва-едва — тонко, прерывисто, словно нить, готовая оборваться в любой момент. Адриан прижал её к себе, не чувствуя холода её кожи, не слыша ничего, кроме собственного сердца, колотящегося где-то в горле.

— Эзра... — его голос сорвался. — Эзра, держись. Я позову лекаря. Я...

Она приоткрыла глаза. В них больше не было черноты — только выцветшая, усталая серая дымка. Она смотрела сквозь него, куда-то в потолок, словно уже видела что-то за его пределами.

— Адриан... — её пальцы слабо шевельнулись на его груди, едва ощутимо царапая ткань рубашки. — У меня есть сестра. Эдна.

Она судорожно вдохнула, и её голос стал тише, превраща-

ьясь в надломленный шёпот:

— Она... она не знает. Её сила спит... но она там. Глубоко. Ковен... они будут искать её. Они захотят сделать её такой же... как я.

Она замолчала на секунду, и её взгляд с отчаянной силой сфокусировался на его лице.

— Спрячь её. Пожалуйста... Не дай им пробудить её...

Её рука безвольно упала. Глаза остановились, глядя в пустоту, но на губах так и застыла та самая слабая улыбка — теперь уже не от облегчения, а от того, что она успела передать последнюю искру надежды.

Адриан не шевелился. Он продолжал держать её тело, чувствуя, как последние остатки тепла покидают её кожу, и эта тишина, воцарившаяся в подвале, была страшнее любого крика. Он смотрел на её лицо — теперь совсем юное, почти детское в этой мертвенной бледности — и чувствовал, как внутри него что-то с грохотом рушится.

Он был свободен. Проклятие, которое веками определяло судьбу его рода, исчезло. Он больше не чувствовал того гнилостного жара в костях, не задыхался от собственного дыхания. Но эта свобода ощущалась как предательство. Каждый вдох, который он теперь делал полной грудью, казался ему украденным.

— Эдна... — прошептал он, и это имя стало его первым настоящим обетом.

Он медленно опустил Эзру на каменный пол, стараясь

сделать это максимально бережно, словно она была сделана из тончайшего стекла. Он долго смотрел на её застывшие руки с чёрными венами — венами, которые теперь принадлежали ему.

Адриан поднялся. Его взгляд изменился. Ледяная решимость, что была в нём раньше, сменилась чем-то более глубоким и тёмным. Это не была ярость или отчаяние. Это была холодная, расчётливая воля человека, которому больше нечего терять, кроме своего честного слова.

Он подошёл к столу и задул свечу.

В наступившей темноте он больше не был просто герцогом Мортмейном, ищущим спасения. Теперь он был должником. И он знал, что единственным способом выплатить этот долг будет превратить свою жизнь в крепость для той, кого он ещё никогда не видел, но за которую уже был готов убить любого.

Прошёл год.

Герцогство Мортмейн утопало в сером тумане и бесконечных осенних дождях. Замок стоял всё так же мрачно на утесе, но внутри него что-то изменилось. Адриан больше не заперся в подвалах. Он стал тенью в своих собственных коридорах — молчаливый, сосредоточенный, с глазами, в которых навсегда поселилась глубокая, непроходящая скорбь.

Он перерыл все архивы Ковена, выследил каждого информатора и перекупил половину шпионов королевства. Он ис-

кал след девочки с алыми волосами и спящим даром.

И однажды утром, когда туман над пустошами был особенно густым, один из его разведчиков вернулся с известием: в лесах у водопада Азира была замечена девушка, подходящая под описание.

Адриан медленно сжал рукоять меча.

— Готовьте лошадей, — приказал он, и его голос прозвучал как приговор. — Мы выезжаем сейчас.

Глава 1

Водопад Азира пел на сотню голосов. Вода срывалась с отвесной скалы тяжёлыми, сверкающими прядями, разбивалась внизу в белую кружевную пену и уносилась дальше, в горную реку, перекатывая гладкие, отполированные веками камни. Воздух здесь был густым, влажным, напоенным запахом остывшей воды и нагретой солнцем листвы.

Девушка с алыми волосами, прикрытыми серой косынкой, спускалась по тропе, ловко перепрыгивая с камня на камень. В руках она держала плетёную корзинку, доверху наполненную крупной, тёмно-рубиновой малиной. Несколько пятен ягодного сока виднелись на белых изящных пальцах, крепко сжимающих ручку.

Она остановилась на мгновение, взглянула на своё отражение в воде. Солнечные лучи бликовали на пушистых ресницах. Её янтарные глаза — светлые, с золотыми искорками у зрачка — отражались солнечными зайчиками, танцующими на водной глади.

Она улыбнулась чему-то своему, перехватила удобнее ручку корзинки и шагнула в сторону узкого прохода за водопадом, где за стеной падающей воды прятался её дом.

Но что-то заставило её остановиться.

Она замерла, прислушиваясь. Шум водопада заглушал почти всё, но её ухо, привыкшее к лесной тишине, уловило чу-

жеродный звук. Шаги. Тяжёлые, размеренные. Кто-то шёл по тропе, по которой она только что спустилась.

Она обернулась.

Из-за поворота, стряхивая с плеч водяную пыль, вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, с грубым, обветренным лицом и въевшейся в кожу дорожной пылью. На поясе у него висел кривой нож в потёртых ножнах, а на плече — потрёпанный дорожный мешок. Он выглядел как обычный путник — уставший, пропыленный.

Но его глаза — цепкие, холодные, светло-серые, как зимнее небо — смотрели на неё слишком пристально.

— Доброго дня, — сказал он, и голос у него был низким, вкрадчивым, с лёгкой хрипотцой. — Я ищу одну девушку. У неё алые волосы. Ты случайно не знаешь, где мне её найти?

Девушка чуть прищурилась, и в её янтарных глазах на мгновение вспыхнула настороженность. Она не привыкла к гостям в этих краях — водопад Азира был местом, которое лес оберегал от случайных путников, а те, кто всё же находил дорогу, обычно не смотрели так... оценивающе.

Она крепче сжала ручку корзинки, инстинктивно делая полшага назад, ближе к завесе падающей воды.

— Вы, верно, сбились с дороги, господин, — ответила она, и её голос прозвучал чисто и звонко, перекрывая шум реки. — Здесь живут только птицы и те, кто ищет уединения. Никого с алыми волосами я не видела.

Она соврала легко и уверенно, но сердце забилося чуть

быстрее. Что-то в этом человеке было неправильным. Слишком спокойный ритм шагов для уставшего путника, слишком тяжёлый взгляд для того, кто просто заблудился.

Мужчина остановился в нескольких шагах от неё, лениво поправил лямку мешка на плече и улыбнулся. Улыбка вышла недоброй — так мог бы улыбаться волк, заметивший хромую лань.

— Говорят, что те, кто ищет уединения, часто носят маски, — он кивнул в сторону её косынки, будто невзначай. — А ещё говорят, что водопад Азира — лучшее место, чтобы спрятать то, что не хотят показывать. Ты не находишь?

Он не наступал. Не делал резких движений. Просто стоял, чуть склонив голову набок, разглядывая её так, словно она была картой, на которой он пытался прочесть нужный маршрут.

— Впрочем, я могу ошибаться, — добавил он с деланным безразличием, пожимая плечами. — Дороги здесь петляют, память иногда подводит. Может, я действительно сбился с пути.

Он шагнул в сторону, делая вид, что собирается обойти её и двинуться дальше по тропе, но его взгляд остался прикованным к её лицу — цепкий, выжидающий, хищный.

— Но если ты всё же встретишь ту девушку, — бросил он через плечо, уже делая вид, что уходит, — передай ей, что её ищут. Очень настойчиво ищут.

Эдна смотрела ему в спину, и в её груди что-то болезненно

сжалось. Этот человек не был похож на тех, кого она представляла в своих редких раздумьях о внешнем мире. Он не был грубым разбойником или пафосным лордом. Он был... профессионалом. Опасен так, как опасен затаившийся в траве хищник, который не спешит с прыжком, потому что точно знает — жертве ей некуда бежать.

Она не сдвинулась с места, пока его силуэт не начал растворяться в водяном мареве тропы. Но когда он почти скрылся за поворотом, Эдна почувствовала странный, почти физический холод, пробежавший по позвоночнику. Это не был холод воды или ветра — это было ощущение чужого, липкого внимания, которое всё ещё оставалось на ней, даже когда сам человек ушёл.

— Кто ты такой? — прошептала она, и её голос потонул в грохоте водопада.

Эдна знала, что Эзра говорила о мире за пределами Азиры. Она знала о «Ковене», о которых сестра упоминала в редкие минуты тревоги, и о том, что их род — это не просто дар, а проклятие, которое Ковен жаждет контролировать. Она никогда не видела их лиц, но теперь, вспомнив этот цепкий, оценивающий взгляд наёмника, она поняла: охота началась.

Она подождала ещё несколько минут, вслушиваясь в тишину леса. Когда шум воды снова стал единственным звуком вокруг, девушка развернулась и почти бегом бросилась за стену водопада, в свой дом.

Внутри было прохладно и пахло сушёными травами. Эдна с грохотом поставила корзинку на стол и первым делом подбежала к старому зеркалу в тяжёлой раме. Она сорвала с головы серую косынку, и каскад алых волос рассыпался по плечам, словно вспышка пламени в полумраке комнаты.

Она смотрела на своё отражение — янтарные глаза, бледная кожа — и чувствовала, как по спине пробежал озноб. Тот мужчина не просто «сбился с дороги». Он искал её по всем приметам. И то, что он ушёл так легко, пугало больше всего — значит, он либо уже отметил её местоположение для своих хозяев, либо решил сначала изучить её привычки.

Эдна подошла к шкатулке, где хранились вещи Эзры, и её рука задрожала.

— Ты говорила, что они придут... — прошептала она, прижимая к себе старую шаль сестры. — Почему они пришли сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.